

«Пророк»

Пушкин всегда говорил о поэзии с чувством безграничного уважения к ней, высоко оценивал творчество поэта.

В стихотворении «Пророк» (1826) Пушкин рисует образ поэта-пророка, призванного служить людям. Чтобы стать поэтом-гражданином, чтобы быть способным выполнять высокую миссию «глаголом жечь сердца людей», поэт должен обладать особыми физическими и моральными качествами. Его зрение должно быть остро, как зрение орлицы; он должен иметь чуткий слух, который был бы в состоянии улавливать не только «неба содроганье», но и «гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье» — все звуки природы. Силе этих внешних органов чувств, наблюдательности и впечатлительности должна вполне соответствовать высота морального облика поэта. Его язык должен быть мудрым и способным разить пороки людей, его сердце должно быть похоже на «уголь, пылающий огнем» — живо, страстно, горячо откликаться на явления и впечатления жизни. Не равнодушным созерцателем жизни, а пламенным бойцом-гражданином должен быть поэт — подобно ветхозаветному пророку, смело и грозно обличающим язвы жизни, обладающим могучим даром сильного и мудрого слова, потрясающего сердца людей.

Развертывая тему поэта-пророка, Пушкин обратился к библейским образам, широко применив славянизмы (*персты, зеницы, десницы, глас* и т. п., *мудрыя* — Р.п. жен. рода, вместо *мудрой* и т. д.), использовав типичное для Библии анафорическое «и» («И внял я... И горный...») и т. д.), придающее речи торжественный характер. Самый процесс перерождения человека в поэта-пророка дан в библейском стиле: томившемуся духовной жаждой человеку является в пустыне серафим, который его и перерождает. Поэт слышит «Бога глас», призывающий его на служение и облакающий его высокой миссией пророка.

По С. Флоринскому

От человеческого слова вообще, а от поэтического в особенности, может произойти и великая польза, и великий вред. Ясно и определенно высказался Пушкин и по этому вопросу в величавом, навеянном библейским сказанием, стихотворении «Пророк». В нем библейским языком, пророческими образами Пушкин высказывает ту великую мысль, что поэт может выполнять свое общественное служение, только стряхнув с себя все дурное и порочное, только обновившись умственно и нравственно, обратясь в пророка, горящего любовью к людям; только тогда он может исполнить Божье веление.

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

То есть действуй своим могучим словом на их душу, показывай им идеалы истины, добра и красоты, к которым они должны стремиться, и, созерцая которые, они должны смягчаться сердцем и просветляться умом; показывай им «страницы злобы и порока» (выражение Лермонтова). Нет сомнения, что при этом придется выслушать не только «суд глупца и смех толпы холодной», но и претерпеть то, о чем говорит Лермонтов — злобу, ненависть и ожесточенные преследования тех, кого близко касается огненное слово поэта. Тут тем более следует остаться «твердым и угрюмым»; тут тем более следует остаться строгим к самому себе, неподкупным проповедником идеала, с негодованием отвергающим все предложения «хвалить земных богов», иначе будет ему горе, позор и презрение повлечет он на себя, если «на злато променяет» свою могучую власть (Лермонтов).

По Е. Воскресенскому

Взгляд Пушкина на поэта, высказанный в стихотворении «Пророк» — чисто библейский. В Библии пророк избирается самим Богом и получает видимую печать своего избрания. Подобно Библии, описание посвящения в поэты мы находим и в «Пророке» Пушкина. Поэт представляет себя в мрачной пустыне; ему является «шестикрылый Серафим», касается своими «перстами легкими» его глаз и ушей и сообщает этим духовное зрение и слух; затем Серафим «приникает» к его устам, вырывает «грешный ... язык, и празднословный и лукавый» и влагает «десницею кровавой» «жало мудрья змеи», рассекает грудь, вынимает сердце и вкладывает вместо него «уголь, пылающий огнем». Таким образом природа поэта изменяется: он получает высшее, нечеловеческое зрение, слух, пламенное сердце и красноречивый язык — эти необходимые принадлежности проповедника высшей воли. Избрание поэта, следовательно, есть дело Божеское, сверхъестественное, чудесное. А если так, то и служение, и назначение поэта должно быть высшее, сообразное с этим божественным призванием. И действительно, в этом же стихотворении Бог говорит избранному пророку:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волю моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Так высоко смотрел Пушкин на призвание и служение поэта. Он должен быть просветителем человечества, проповедником высшей воли, насадителем чистой нравственности, учителем и руководителем простых смертных.

Чтобы выполнить это назначение, поэту необходимо вращаться среди людей, он должен подмечать их слабые стороны и недостатки и, подметив, искоренять их; должен заботиться о просвещении масс, смягчать сердца, закоренелые в грубых предрассудках и невежестве, — словом, должен служить обществу, согласно своему призванию.

По И. Белоруссову

В стихотворении «Памятник», определяя свои заслуги, Пушкин между прочим говорит, что он дорог будет для народа тем, что своей лирой пробуждал добрые чувства и призывал милость к падшим. Все это действительно так и было, а отсюда понятно, что поэзия, как воспроизведение явлений духовной жизни человека в художественных образах, должна иметь нравственное значение. Та же мысль ясно вытекает из содержания другого стихотворения — «Пророк». В форме аллегии, заимствованной из библейской истории, Пушкин изображает духовное перерождение человека, призванного возвысить нравственную сторону жизни людей. В пьесе три части: вступление, главная часть и заключение. Вступление (первые четыре стиха) изображает состояние, предшествовавшее посвящению: избранник томился духовной жаждой, скитался в мрачной пустыне. Главная часть подразделяется на четыре отдела, соответствующие четырем действиям Серафима, который сообщает избраннику четыре дара: острое орлиное зрение; чуткий слух, улавливающий неуловимое обыкновенными средствами; дар красноречия, мудрый глагол (изображенный в виде змеиного жала); любовь к ближним, ревность к вещанию воли небесной (изображенные в виде угля, пылающего огнем), ибо без любви и ревности все слова подобны кимвалу бряцающему. Заключение содержит в себе веление Бога, укрепляющее все действия Серафима: «виждь» (просветление зрения), «внемли» (просветление слуха), «глаголом» (дар убедительного слова), «жги» (пламень любви и ревности). Стихотворение принадлежит к высокохудожественным произведениям: в нем все полно, окончено; нет ни одного лишнего слова, равно как нечего к нему и прибавить. Если образ пророка применить к призванию поэта, то назначение его деятельности заключается в проповеди вечной истины и бесконечной любви; поэт должен быть не толькообрази-

телем явлений жизни, но и пророком, который жжет сердца людей своей вдохновенной речью.

По С. Бураковскому

Пушкин отрицает всякое обязательно-служебное значение поэзии в целях уличения порока, воспитания добродетели. Однако, нередко указывая, что в стихотворении «Пророк» встречается стих «глаголом жги сердца людей» и основываясь на нем, некоторые критики видят как бы завет поэту поучать людей. Но это неверно: стихотворение «Пророк» не имело никакого отношения к пушкинским взглядам на поэзию, — это произведение представляет собой только удивительно яркое, художественное воспроизведение библейской картины (превращение простого человека в пророка), только и всего. «Библейские» произведения, подражания «Корану», народные песни и творчество в духе испанской поэзии указывают лишь на разрастающиеся интересы поэта, на окончательное отречение его от исключительного субъективизма юношеских лет. Поэтому стихотворение «Пророк» надо понимать только в буквальном смысле.

По Б. Майкову